

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Генерал Перон и справедливость без свободы

«**Д**емократия кормит, лечит и учит!» – так 10 декабря 1983 года закончил свою инаугурационную речь перед законодательным собранием первый демократически избранный президент Аргентины Рауль Альфонсин. 10 декабря 2023 года новоизбранный президент Хавьер Милей произнес инаугурационную речь перед толпой ликующих сторонников, повернувшись спиной к Национальному конгрессу и закончив ее троекратным повторением своего лозунга: «Да здравствует свобода, черт подери!».

Между двумя событиями – сорок драматических лет демократического развития Аргентины. Означает ли приход Милея к власти провал аргентинской демократии? Существует ли противоречие между свободой и социальными

ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА

ценностями, среди которых достойный уровень жизни, качественное здравоохранение и хорошее образование? Почему именно в Аргентине справедливость и свобода оказались столь жестко противопоставленными?

Причудливый ход и неожиданный итог президентской избирательной кампании прошлого года¹ заставляют вписать эти вопросы в более общий исторический контекст и более длительную временную перспективу. История экономического, социального и политического упадка Аргентины на протяжении последнего столетия стала расхожей темой как для серьезных исследований, так и для поверхностных суждений. Президент Милей оценивает причины деградации страны совершенно однозначно. Вступая в должность, он заявил:

«[Во второй половине XIX века] из страны варваров, погрязших в беспощадной войне, мы превратились в первую державу мира. К началу XX века мы стали маяком для Запада. На своих берегах мы с распростертыми объятиями принимали миллионы иммигрантов, которые бежали из разоренной Европы в поисках лучшей жизни. К сожалению, наши руководители решили отказаться от модели, которая сделала нас богатыми, и заменили идеи свободы идеями коллективизма, которые привели нас к упадку. Более ста лет политические лидеры защищали модель, которая порождает только бедность, застой и нищету. Модель, согласно которой граждане должны служить политике, а не наоборот. Модель, в соответствии с которой задача политического деятеля состоит в том, чтобы руко-

водить жизнью индивидов во всех возможных областях и сферах. Модель, в которой государство рассматривается как военный трофей, распределяемый между друзьями»².

В выступлении на Давосском форуме 17 января 2024 года Милей сформулировал ту же мысль еще жестче:

«После того, как в 1860 году мы приняли модель свободы, через 35 лет мы превратились в первую державу мира. Но после того, как сто лет назад мы обратились к коллективизму, наши граждане начали систематически беднеть, а страна скатилась [по уровню душевого дохода] на 140-е место в мире»³.

Следует сразу сказать: цифры и факты, которые приводит Милей, в основном неверны. Во-первых, Аргентина никогда не была «первой державой мира». Как отмечает аргентинский журналист Густаво Гонсалес, президент скорее всего опирается на данные теоретического проекта Ангуса Мэддисона, посвященного экономической статистике в исторической перспективе⁴, воспринимая их как конкретные цифры, но это неправомерно, поскольку реальные замеры ВВП стали осуществляться лишь с 1940-х. Впрочем, даже и этот сугубо аналитический проект ставит Аргентину образца 1900 года лишь на тринадцатое место по уровню душевого ВВП.

Во-вторых, упомянутый показатель сам по себе не свидетельствует ни об общем благосостоянии народа, ни тем более о мощи нации. Так, в 1900-м в Аргентине, которая была тогда одним из

1 Подробнее см.: ВРОЖЕЙКИНА Т. *¡Viva la libertad, carajo!* // Неприкосновенный запас. 2023. № 6(152). С. 221–232.

2 *Asunción presidencial: el texto completo del discurso de Javier Milei* // Página 12. 2023. 10 de diciembre (www.pagina12.com.ar/693656-asuncion-presidencial-el-discurso-completo-de-javier-milei).

3 *El discurso completo de Javier Milei en el Foro de Davos* // Página 12. 2024. 17 de enero (www.pagina12.com.ar/704833-el-discurso-completo-de-javier-milei-en-el-foro-de-davos).

4 См.: BOLT J., ZANDEN J. L. VAN. *The Maddison Project: Collaborative Research on Historical National Accounts* // The Economic History Review. 2014. Vol. 64. № 3. P. 627–651.

главных – после Соединенных Штатов и Российской империи – экспортеров пшеницы, на площади в 3,7 миллиона квадратных километра проживали всего четыре миллиона человек⁵.

В-третьих, 140-е место, которое, если верить Милею, страна занимает сегодня, тоже не соответствует действительности: по данным Всемирного Банка, в 2022 году Аргентине принадлежало 76-е место по уровню душевого ВВП в абсолютном выражении и 69-е по паритету покупательной способности – из 190 возможных⁶.

Тем не менее факт остается фактом: с середины XX века по настоящее время Аргентина переживала неуклонный социально-экономический упадок, превратившись из процветающей страны, какой она была в первые десятилетия XX века⁷, в типичное латиноамериканское государство, пусть даже по-прежнему одно из самых богатых на континенте⁸. Милей неустанно указывает на это, растравляя национальные чувства аргентинцев: ему важно навязать свое, крайне упрощенное представление о причинах деградации и путях

выхода из нее. Судя по результатам выборов, такая линия (пока) приносит успех: 56% аргентинских избирателей проголосовали за Милея.

Своим богатством и процветанием на рубеже XIX и XX веков Аргентина была обязана сочетанию нескольких факторов. Во-первых, здешние природные условия практически идеально подходили для выращивания зерна и разведения скота на плодородной равнине влажной пампы, которая составляет 20% национальной территории.

Во-вторых, в стране в изобилии имелась иммигрантская рабочая сила, уникальная по динамизму и квалификации. Дело в том, что в Аргентине на момент прихода испанских колонизаторов не было, в отличие Мексики, Центральной Америки или Перу, сильных индейских цивилизаций и государств. Поэтому к началу XVIII века туземное население, за исключением северных племен, было почти полностью истреблено, а Аргентина заселялась как иммигрантская страна: в колониальный период подавляющую часть переселенцев составляли испанцы, в последнюю

- 5 GONZÁLEZ G. *La realidad según Milei* // Perfil. 2024. 20 de enero (www.perfil.com/noticias/columnistas/la-realidad-segun-milei-por-gustavo-gonzalez.phtml). 3,7 миллиона квадратных километров составляют официальную территорию страны, включая сектор Антарктиды, а также острова – Мальвинские (Фолклендские), Южные Сандвичевы и Южная Георгия, – на которые претендует Аргентина. Площадь континентальной Аргентины составляет 2,8 миллиона квадратных километров. См.: INSTITUTO NACIONAL DE GEOGRAFÍA. *División política, superficie y población* (www.ign.gov.ar/nuestrasactividades/geografia/datosargentina/divisionpolitica).
- 6 WORLD BANK. *World Development Indicators Database: GNI Per Capita Ranking, Atlas Method and PPP Based*. 2023. December 18 (<https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0038128>).
- 7 «В 1913 году валовой продукт на душу населения в Аргентине был сопоставим со швейцарским, вдвое превышал итальянский и составлял половину от канадского. В 1978 году тот же показатель в Аргентине был в шесть раз меньше, чем в Швейцарии, в два раза меньше, чем в Италии, и в пять раз меньше, чем в Канаде. Особенно драматично сопоставление с Японией: в годы Первой мировой войны аргентинский душевой продукт в пять раз превышал японский, в конце 1950-х Аргентина производила на душу населения в три раза больше, чем Япония, а к началу 1980-х аргентинский душевой ВВП составлял только четверть от японского» (NIÑO C. *Un país al margen de la ley. Estudio de la anomia como componente de un subdesarrollo argentino*. Buenos Aires: Emecé, 1992; цит. по: САМОУ А. *En busca de gobernabilidad perdida* // Textos. 2002. Vol. 1. № 1. P. 7).
- 8 В 2022 году Аргентина была третьей среди латиноамериканских стран по уровню ВВП на душу населения (26 030 долларов США), пропуская вперед Чили (28 550) и Уругвай (26 250), но по-прежнему обгоняя крупнейшие страны континента – Мексику (21 790) и Бразилию (17 270). См.: WORLD BANK. *World Development Indicators Database* (<https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0038128>).

треть XIX века в этом потоке преобладали итальянцы, а с началом массовой иммиграции в первые десятилетия XX века океан массово пересекали ирландцы, англосаксы, украинцы, хорваты, евреи, армяне, немцы, левантийские и палестинские арабы⁹.

В-третьих, экономическое развитие Аргентины заметно ускорила Первая мировая война, резко повысившая внешний спрос на аргентинские зерно и мясо. В свою очередь расширяющийся экспорт сельскохозяйственной продукции послужил экономическим основанием для олигархической системы, установившейся в Аргентине после завершения гражданских войн и принятия либеральной Конституции 1853 года; в 1880–1916 годах эта система именовалась «Консервативной Республикой» (*República Conservadora*).

В то время в Аргентине сложилась либерально-демократическая политическая система с крайне ограниченным политическим участием: в начале XX века только 9% мужского населения старше двадцати лет имели право участвовать в выборах¹⁰. По сути дела, политическими правами обладала лишь узкая прослойка правящих и господствующих групп, в которую входили латифундисты, экспортеры зерна и мяса, крупные торговцы и банкиры, централь-

ная и провинциальная бюрократия, зачастую представленные одними и теми же семейными кланами, а также небольшая часть городских средних слоев.

Однако экономическое процветание, приток капиталов и наплыв иммигрантов в начале XX века повлекли за собой быстрое размывание политических основ Консервативной Республики. Важнейшую роль в демократизации олигархической политической системы сыграло движение за политическую реформу, добивавшееся введения всеобщего, равного и тайного избирательного права. По мере его подъема возникали политические ассоциации, в первую очередь молодежные и студенческие, на основе которых в 1891 году был образован Гражданский радикальный союз (*Unión Cívica Radical*) – первая современная партия Аргентины.

Под давлением радикалов и их харизматичного лидера Иполито Иригойена последнее олигархическое правительство провело в 1912 году политическую реформу¹¹, резко расширившую численность электората; это позволило Иригойену стать в 1916-м президентом республики¹². Демократический переход от олигархии 1880–1916 годов к правлению радикалов, продолжавшемуся с 1916-м по 1930-й, отражал глубокие сдвиги в аргентинском обществе: в нем

9 В 1895–1914 годах население Аргентины удвоилось с четырех до восьми миллионов человек; следующее удвоение произошло в 1914–1947 годах, когда оно выросло с восьми до шестнадцати миллионов. По данным переписи 2022 года, в Аргентине проживают 46 миллионов: *Censo Nacional de Población, Hogares y Viviendas*. 2022 (<https://censo.gob.ar/>).

10 FLORIA C., BELSUNCE G. *Historia política de la Argentina contemporánea (1880–1983)*. Buenos Aires: Alianza Editorial, 1988. P. 104.

11 Закон 1912 года о всеобщем, тайном и обязательном голосовании – «закон Саэнса Пеньи», названный так по имени президента, при котором он был принят, – распространялся на коренных и натурализованных граждан Аргентины старше восемнадцати лет. Формально его нормы не исключали женщин, но, поскольку списки избирателей составлялись на основе списков военнообязанных, фактически женщины лишались избирательных прав. Они получили их только в 1947 году по «закону Эвиты», названному в честь Эвы Перон, жены президента Хуана Доминго Перона.

12 За четыре года, прошедших после избирательной реформы и до прихода к власти Иригойена, взрослое мужское население, обладавшее избирательным правом, увеличилось с 20% до 60%. См.: KAPLAN M. *50 años de la historia Argentina (1925–1975): el labirinto de la frustración // América Latina: historia del medio siglo*. México: Siglo XXI, 1977. P. 9.

возникали новые социальные слои и общественные ассоциации, для которых политическое участие становилось значимой ценностью.

В сельской местности мелкие и средние землевладельцы, арендаторы и сельскохозяйственные рабочие, по преимуществу недавние иммигранты, создали собственную аграрную федерацию, противостоящую ассоциации крупных латифундистов, которая контролировала государственные институты и сельскохозяйственные министерства. В крупных городах учреждались массовые студенческие организации, требовавшие университетской реформы. Преобразование высшей школы, в конечном счете, реализованное правительством Иригойена в 1919–1921 годах, стало самым радикальным в Латинской Америке: реформа не только утвердила автономию университетов и секуляризацию образования, но и открыла определенные возможности для получения бесплатного высшего образования¹³.

На рубеже XIX и XX веков в Аргентине появились профсоюзы, которые к концу 1920-х добились существенных успехов, в том числе законодательного введения восьмичасового рабочего дня, воскресного выходного, а также ежегодного отпуска. Стоит, однако, иметь в виду, что независимые профсоюзы по преимуществу анархо-синдикалистского толка, объединявшие главным образом иммигрантский рабочий класс, находились в оппозиции к правительству радикалов, которое по большей части защищало интересы предпринимателей. В январе 1919 года во время так назы-

ваемой «трагической недели» (*Semana trágica*) полиция и полувоенные формирования, в которых состояли добровольцы из высших и средних классов, подавили забастовку рабочих-металлургов Буэнос-Айреса. В ходе этих событий были убиты, по разным данным, от 800 до 1300 человек и более 50 тысяч были арестованы. Такая же судьба постигла в 1921-м рабочих анархо-синдикалистов в Патагонии: при подавлении их стачки аргентинской армией погибли от тысячи до полутора тысяч человек. Оба события пришлось на первое президентство Иригойена (1916–1922).

В конце XIX века и в первые два десятилетия XX коренным образом меняется все аргентинское общество: в результате притока иммигрантов из традиционного и жестко стратифицированного на креольскую элиту, пастухов-гаучо и пеонов, городской средний класс, городской плебс и стремительно исчезающих индейцев, оно превращается в общество урбанизированное и смешанное. В 1914-м доля иностранцев-иммигрантов, то есть тех, кто еще не получил аргентинского гражданства, составила 30% населения, а доля городского населения выросла до 52,4%¹⁴, – во многом за счет новых иммигрантов. Всего с 1870-го по 1930 год в Аргентину прибыли около шести миллионов выходцев из Европы; в этот период она была вторым после США реципиентом трансатлантической иммиграции¹⁵. Иммигранты первого поколения и особенно их дети, добивавшиеся статуса и признания своих прав на политическое участие, стали важнейшим элементом социальной динамики.

13 Полностью бесплатным высшее образование в Аргентине стало в 1949 году при Пероне.

14 RECCINI DE LATTES Z. *El proceso de urbanización en la Argentina: distribución, crecimiento y algunas características de la población urbana* // Desarrollo Económico. 1973. Vol. 12. № 48. P. 870.

15 WAISMAN C.H. *Counterrevolution and Structural Change: The Case of Argentina* // International Political Science Review. 1989. Vol. 10. № 2. P. 160.

Выразителем и протагонистом этих быстрых и противоречивых сдвигов стал Гражданский радикальный союз – главная движущая сила политической демократизации Аргентины в первые тридцать лет XX века. Принципы либеральной демократии и народного суверенитета составляли основу идеологии радикализма, которая в этом отношении сохраняла преемственность с идеями, заложенными Хуаном Баутистой Альберди в Конституцию 1853 года. Однако сама эта Конституция, как и принципы либерализма, составляли формальное основание системы олигархического господства, против которой выступали радикалы. Поэтому их идеология наряду с либерализмом включала сильнейшую националистическую компоненту и акцентирование ведущей роли государства – в противовес олигархии, подчинявшей это государство своим узкогрупповым интересам.

«Национализм радикалов отражал растущую интеграцию и централизацию страны и ее политико-институциональной системы; усиливавшееся влияние региональных групп и классов; реакцию против духа космополитизма и зависимости, присущего олигархии, и против империалистического проникновения; а также антииммигрантскую ксенофобию, распространившуюся практически во всех слоях общества. Государство рассматривалось [радикалами. – Т. В.] как воплощение народа и нации и как аппарат, независимый от классов, по отношению к которым он обязан действовать как верховный арбитр»¹⁶.

В годы правления радикалов была осуществлена реформа государства, отделившая государственные институты от непосредственных политических и экономических интересов олигархии. Аргентинское государство начало обре-

тать автономию по отношению к основным классам общества; своего наивысшего подъема эта автономия достигнет в 1940–1950-е.

Вместе с тем процессы ускоренной социальной и политической модернизации, развернувшиеся в Аргентине в первой трети XX столетия, почти не затронули основы традиционной экономической системы. Лидеры радикалов воспринимали модернизацию как преимущественно политическое явление, а их экономические взгляды оставались на уровне либеральных представлений XIX столетия: процветание начала века не вызывало потребности что-то менять в производстве богатства – нужно было, как они полагали, изменить его распределение.

В таких условиях политическая реформа, введение всеобщего избирательного права, не могли не нарушить устойчивость политической системы. С одной стороны, широкие слои населения, впервые получившие доступ в политику, требовали экономического перераспределения, усиливая тем самым каудильистскую и антилиберальную компоненту радикального режима. Бесспорным вождем этого крыла радикальной партии был Иригойен, дважды – в 1916-м и в 1928-м – избиравшийся на пост президента страны. С другой стороны, олигархия, по-прежнему контролирующая основные рычаги экономической власти, оказалась фактически отстраненной от власти политической. Консервативные круги не смогли предложить значимую политическую альтернативу Гражданскому радикальному союзу: главная политическая сила Консервативной Республики, Национальная автономистская партия (*Partido Nacional Autonomista*), была распущена

16 KAPLAN M. *Op. cit.* P. 6.

в 1916 году. Отсутствие жизнеспособной правоконсервативной партии лишило новую политическую систему необходимого баланса, что в свою очередь ослабляло правящую «партию обновления»: она превращалась в прибежище всех недовольных, что неизбежно раскалывало ее изнутри.

Уже в начале 1920-х в радикальной партии возникло либеральное, антиперсоналистское течение, оспаривавшее руководство харизматичного Иригойена и все больше привлекавшее к себе не только демократически настроенные средние слои, которых не устраивал каудильистский характер радикального режима, но и старую политическую элиту. Лидером этого течения стал Марсело де Альвеар, избранный в 1922-м президентом Аргентины. Сторонники Иригойена считали «антиперсоналистов» консерваторами, в то время как последние обвиняли своих оппонентов в несоблюдении правил политической игры, поскольку те блокировали инициативы исполнительной власти в Конгрессе. В 1924 году это противостояние привело к расколу Гражданского радикального союза и образованию новой партии – Антиперсоналистского гражданского радикального союза (*Unión Cívica Radical Antipersonalista*).

Таким образом, идеологическое и политическое напряжение между ценностями национализма и этатизма, с одной стороны, либерализма и свободы, с другой, складывается в Аргентине уже в 1920-е. Именно тогда, по мнению Ми-

лея, страна свернула с единственно верного, либерального пути развития. Он считает, что «радикалы в значительной степени ответственны за упадок Аргентины, который начинается с левого популизма Иригойена»¹⁷. Напротив, Альвеар, с точки зрения Милея, был последним представителем либерализма в современной истории Аргентины¹⁸.

Примечательно, что именно эта политическая коллизия столетней давности берется нынешним президентом за точку отсчета всей последующей деградации страны. 1930-е действительно надолго покончили с либерализмом в Аргентине: разбалансированная политическая система не смогла выдержать последствия мирового экономического кризиса 1929–1930 годов, разрушившего экспортную основу традиционной экономики. Конституционно-демократическая легальность, просуществовавшая в Аргентине больше полувека, рухнула, а вместе с ней и политический режим радикалов, свергнутый военными¹⁹. Возвращение на политическую сцену консервативной олигархии, состоявшееся после переворота 6 сентября 1930 года, означало возврат к политической системе, существовавшей до избирательной реформы (1912) и победы радикалов (1916).

Действовавшие в так называемое «бесславное десятилетие» (*década infame*, 1930–1943) консервативные правительства смогли исключить из политической сферы – с помощью сначала армии, а затем электоральных подлогов – значительную часть населения,

17 *Milei elogió a Thatcher, llamó "inútiles" a los radicales y "populista" a Yrigoyen* // Télam digital. 2023. 21 de junio (www.telam.com.ar/notas/202206/596075-milei-thatcher-radicales-yrigoyen.html).

18 *Javier Milei: "El último exponente liberal fue Marcelo T. de Alvear"* // Canal Metro. 2018. 10 de marzo (www.youtube.com/watch?v=5b53dhrvri).

19 Победив на выборах, Иригойен во второй раз вступил в должность президента 12 октября 1928 года. 24 октября 1929-го, произошел крах нью-йоркской биржи, а 6 сентября 1930-го военные свергли Иригойена. После неудачной попытки восстания радикалов в августе 1931-го Иригойена и Альвеара заключили в тюрьму на острове Мартин Гарсия, где их в общей сложности продержали больше года. Через два месяца после освобождения, 3 июля 1933-го, Иригойен умер в Буэнос-Айресе в возрасте восьмидесяти лет.

которая формально обладала политическими правами²⁰. Этим был обусловлен дальнейший упадок либеральной идеологии в Аргентине: либерализм (в реальности сильно разбавленный позитивизмом и клиентелизмом) воспринимался большинством населения как идеологическое и политическое основание возвращения к несправедливой олигархической системе. В 1930-е господствующее место в общественном сознании занимает национализм, который становится важнейшей силой последовавшего в 1940-е институционального сдвига в сторону этатизма.

Консервативный режим 1930–1943 годов достаточно быстро справился с последствиями Великой депрессии. Восстановление экономики началось уже в 1934-м, а к концу десятилетия Аргентина вернулась к процветанию 1920-х. Тем не менее реставрация олигархического господства оказалась кратковременной, поскольку в начале 1940-х появились новые силы, которые быстро оттеснили олигархию от политической власти. Военный переворот 4 июня 1943 года, в результате которого был свергнут президент Рамон Кастильо (1942–1943), стал следствием сочетания целого ряда внешних и внутренних факторов, среди которых стоит выделить три.

Во-первых, начавшаяся в 1939 году Вторая мировая война вызвала кризис в международных отношениях и экономической политике Аргентины. Страна оказалось отрезанной от рынков континентальной Европы, особенно после нацистской оккупации Бельгии и Франции. Ввиду быстрого падения экспорта²¹ кон-

сервативные лидеры попытались переориентировать торговые отношения на Соединенные Штаты, которые, однако, отказались открыть американский рынок для аргентинских мяса и зерна. Отчасти это было связано с недовольством американской администрации политикой нейтралитета, проводимой Буэнос-Айресом – Аргентина объявила войну Германии и Японии лишь 27 марта 1945 года, – и ее отказом вступить в панамериканский альянс.

Во-вторых, с 1940 года начинается быстрая переориентация аргентинского сельского хозяйства с выращивания зерна на производство мяса, что также было связано с войной: в тот период Великобритания, главный торгово-экономический партнер Аргентины с конца XIX века, постоянно наращивала импорт аргентинской говядины и свинины. В результате большая часть земель, на которых арендаторы выращивали свой урожай, и те латифундии, где его уборкой занимались пеоны (сезонные сельскохозяйственные рабочие), были отданы под выпас крупного рогатого скота и разведение свиней. С 1937-го по 1947 год поголовье скота в пампе увеличилось на 25%, в то время как ее население сократилось на полмиллиона человек, которые перебирались в города, и в первую очередь в Буэнос-Айрес²².

Впервые с начала XX века массовый приток рабочей силы в городскую промышленность и сферу обслуживания происходил главным образом за счет выходцев из сельской местности, а не европейских иммигрантов. К концу войны внутренняя миграция начала ради-

20 LYNCH J., CORTÉS CONDE R., GALLO E., ROCK D., TORRE J. C., DE RIZ L. *Historia de la Argentina*. Buenos Aires: Editorial Crítica, 2002. P. 168.

21 По сравнению с 1937-м экспорт зерновых в целом к 1942 году сократился в 2,6 раза, а экспорт кукурузы, 90% которого до войны шло в континентальную Европу, за тот же период упал в пятнадцать раз: LYNCH J. ET AL. *Op. cit.* P. 197.

22 *Ibid.* P. 198.

кально менять географическое распределение и типы занятости значительной части аргентинского населения. Согласно переписи 1947 года, доля горожан составила 62,2% (против 52,7% в 1914-м), а доля иммигрантов-иностранцев – 15% (против 30% в 1914-м)²³.

В-третьих, соотношение социально-экономических и политических сил заметно изменила промышленная экспансия начала 1940-х. Падение доходов от экспорта вызвало резкое сокращение импорта промышленных товаров в Аргентину, что в свою очередь открывало благоприятные возможности для аргентинских предпринимателей. В отличие от других стран Южной Америки, где индустриализация начиналась лишь после кризиса 1929 года и Великой депрессии, будучи реакцией на разрушение сырьевой экспортной модели, промышленное развитие Аргентины началось еще в конце XIX века – сперва в качестве производной от экспортно-ориентированного сельского хозяйства (мясохладобойни, железные дороги, портовое оборудование), затем, после Первой мировой войны, как следствие иностранных (в первую очередь британских) инвестиций. В 1930-е и в первую половину 1940-х дополнительным стимулом развития национальной промышленности стали протекционистские меры, которые консервативные правительства начали выборочно применять в периоды Великой депрессии и Второй мировой войны²⁴. Быстро развивающаяся и диверсифицирующаяся промышленность полностью поглощала приток рабочей силы сначала из пампы, а затем и из внутренних районов.

Все упомянутые изменения – падение сельскохозяйственного экспорта, массовый исход сельского населения в города, промышленный подъем – подорвали господство традиционной зерновой олигархии в сельской местности и одновременно нарастили политический вес тех секторов общества, которые были связаны с городской промышленностью. Тем самым политическая база консервативных сил была существенно подорвана.

Наиболее серьезный вызов для правящей олигархии на рубеже 1940-х представляли правые националисты, которые все заметнее укрепляли свои позиции в вооруженных силах. Военный переворот 1943 года открыл дорогу «Националистической революции» (*Revolución Nacionalista*), которая была призвана разорвать все связи Аргентины с «империализмом», осуществить промышленную экспансию под эгидой государства и установить авторитарную политическую систему, которая искоренила бы как «коммунизм», так и «либерализм»²⁵.

Однако корпоративистской военной диктатуре, которую стремились утвердить националисты в 1943-м, не суждено было состояться. 1943–1946 годы стали периодом политического восхождения Хуана Доминго Перона – лидера, который оказал без преувеличения решающее влияние на всю последующую историю Аргентины. Победе Перона на президентских выборах 4 июня 1946 года предшествовали два года драматического противостояния его сторонников и противников, которое на многие десятилетия раскололо

23 RESSINI DE LATTES Z. *Op. cit.* P. 870.

24 «В 1938 году доли обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства в ВВП были сопоставимы, а в начале 1940-х занятость во вторичном секторе экономики была выше, чем в первичном» (WAISMAN C. *Op. cit.* P. 161).

25 LYNCH J. ET AL. *Op. cit.* P. 168.

страну на противостоящие лагеря перонистов и антиперонистов.

В 1943–1945 годах Перон одновременно занимал посты главы секретариата труда и социального обеспечения (с 1 декабря 1943-го), военного министра (с 24 февраля 1944-го) и вице-президента при военном президенте Эдельмиро Фарелле (с 8 июля 1944-го). 8 октября 1945 года после массовых демонстраций антиперонистов он ушел в отставку со всех постов, а 12 октября был арестован и заключен в ту же тюрьму на острове Мартин Гарсия, где за четырнадцать лет до этого держали Иригойена и Альвеара. 17 октября 1945 года на столичную Майскую площадь вышли от трехсот до пятисот тысяч человек – рабочих, представителей низших средних слоев, прочего простого люда, – под давлением которых Перон был освобожден. В тот же день с балкона президентского дворца Casa Rosada он обратился к собравшимся на площади людям с речью:

«С этого дня я чувствую настоящую гордость аргентинца, потому что расцениваю это коллективное движение как возрождение сознания трудящихся – единственного, что может сделать Родину великой и бессмертной»²⁶.

Перонизм – государство, движение, партия, созданные президентом Пероном в 1946–1955 годах – стал центральным проектом общественного развития, определявшим судьбу Аргентины с середины XX века вплоть до настоящего времени. Он представлял собой наиболее последовательную попытку интегрировать общество сверху, используя активное государственное вмешатель-

ство. Перон и поддерживавшая его фракция господствующего класса отвергли модели как либерального политического включения, которую использовали радикалы в 1916–1930 годах, так и авторитарного исключения, на которую ориентировались консервативные правительства «бесславного десятилетия».

Элитам и рабочему классу было предложено инкорпорироваться в политическую систему под контролем государства²⁷. В социальном плане такой сценарий предполагал включение городских трудящихся и средних слоев в созданные сверху корпоративные структуры, вбиравшие в себя наиболее активную часть народных масс через сеть государственных и полугосударственных организаций. По замыслу вождя, институционализация массового участия по каналам, полностью подконтрольным государственной власти и не допускающим каких-либо независимых инициатив или действий, позволит устранить важнейший источник социально-политической нестабильности.

Перон предложил аргентинцам новый тип сильного национального государства и харизматичного лидерства. С одной стороны, перонистская модель доводила до логического конца персоналистские, каудильистские, и особенно национал-этатистские, черты, заложенные еще в радикальной модели 1916–1930 годов. С другой стороны, перонистский проект был вызван к жизни именно неудавшейся попыткой радикалов интегрировать аргентинское общество, ограничившись сугубо *политическим* участием, и поэтому предполагал выстраивание институциональных кана-

26 Цит. по: EL CORONEL JUAN D. Perón habla desde los balcones de la casa de gobierno a los trabajadores concentrados en la Plaza de Mayo. 17 de octubre de 1945 (www.pjbonaerense.org.ar/discurso-de-juan-domingo-peron-apo-1945/). С тех пор 17 октября – День верности (Día de la Lealtad) – остается главной памятной датой перонизма, отмечаемой ежегодно.

27 WAISMAN С. *Op. cit.* P. 163.

лов *социального* участия – через корпоративистские структуры государства.

Важнейшим из этих каналов стала система новых профсоюзов, которые Перон начал создавать, еще будучи на посту главы секретариата труда и социального обеспечения. Перонистские профсоюзы, вертикальные и клиентелистские организации, которые за короткий срок объединили огромные массы трудящихся, недавно оказавшихся в городах из-за индустриализации, стали без преувеличения становым хребтом режима и главным приводным ремнем, связывающим каудильо с народом²⁸. Для рабочих, состоявших в этих профсоюзах, их строго вертикальный характер оказался гораздо менее важным, чем сама возможность организованного действия. Зависимость от политической власти, от перонистского режима воспринималась как неизбежная плата за растущую роль профсоюзов в политической жизни – за не испытанную ранее возможность ощутить себя политическим актором.

Перонистские профсоюзы, объединенные во Всеобщую конфедерацию труда, стали основой Перонистской партии. В ноябре 1946 года Перон создал Единую партию революции (*Partido Único de la Revolución*), объединившую Рабочую партию (*Partido Laborista*), Гражданский радикальный союз – Хунта обновления (*Unión Cívica Radical Junta Renovadora*) и консервативную Независимую партию (*Partido Independiente*), которые поддержали его кандидатуру на президентских выборах 24 февраля 1946 года. В январе 1947-го партия получила официальное название Перонистской (*Partido Peronista*), которое сохранялось до 1971 года, пока очередной военный режим зако-

нодательно не запретил использовать имена собственные в названиях партий. После этого партия называется Хустициалистской (*Partido Justicialista*) – от испанского слова «справедливость».

С ноября 1946 года до дня своей смерти 1 июля 1974-го Перон оставался бессменным председателем партии, которая неформально включала два крыла, профсоюзное и политическое. Перон был одержим идеей «организованной нации», и, хотя он считал политические партии как таковые носителями партикуляристских интересов и пережитком «старой Аргентины», с которой стремился покончить, *его* партия должна была стать основой организации всего общества.

Подобно профсоюзам, Перонистская партия отстраивалась строго вертикально и сверху вниз – от национального руководства до низовых организаций, в которых, по замыслу вождя, массы должны были обучаться перонистской доктрине и дисциплине и где в то же время можно было наблюдать за ними. Стремление структурировать общество сверху, помимо очевидного влияния итальянского фашизма, опиралось на католическую концепцию «органического государства», организующего общество и объединяющего различные общественные интересы и силы в создаваемых государством корпорациях.

Помимо структур вертикальной социальной интеграции – профсоюзов, партии, женских и молодежных организаций, – перонистский режим использовал механизм аккламации: прямой связи вождя и масс. Наряду с самим Пероном важнейшую роль в ее обеспечении играла его жена Эва Перон (Эвита) – глава Женской перонистской партии (*Partido*

28 Всеобщая конфедерация труда Аргентинской Республики (*Confederación General de Trabajo de la República Argentina*) была создана в 1930 году путем соглашения между анархо-синдикалистскими, независимыми, социалистическими и коммунистическими профсоюзами. С 1945 года перешла под полный контроль перонистского государства.

Peronista Femenino), официально объявленная «духовной руководительницей нации» после ее ранней смерти в 1952 году. Эвита была главным лицом режима, ее яркая и намеренно грубая, агрессивная риторика, направленная против «богачей и эксплуататоров», обеспечивала перонизму поддержку трудящихся и социальных низов.

Жена вождя сначала занималась связями с профсоюзным движением и его лидерами, а затем перенесла свое внимание на маргинальные слои, городской полупролетариат и наиболее отсталые группы внутренних районов, для которых социально-экономические права, полученные организованными трудящимися, мало что значили. Эвита учредила благотворительный фонд своего имени, который предоставлял социальную и медицинскую помощь самым бедным и во много раз превосходил по объему соответствующие фонды католических благотворительных организаций, финансируемых высшими классами.

В основу перонистской идеологии была положена доктрина «социально справедливой, экономически независимой и политически суверенной нации», которая обеспечивала мистику движения – картину мира и систему образов, на которые оно опиралось, воображаемую вселенную, на многие десятилетия пережившую в сознании перонистов своего создателя. В социальном отношении перонистский проект был перераспределительным, он стимулировал рост реальной заработной платы и потребления трудящихся и средних слоев, повышение жизненных стандартов большей части городского населения и расширение его вертикальной мобильности.

За годы президентства Перона (1946–1955) происходят радикальные, почти революционные изменения в социальной политике аргентинского государства.

В этот период были введены и законодательно закреплены государственное пенсионное обеспечение, обязательные оплачиваемые отпуска и компенсации при увольнении, бесплатные системы здравоохранения и образования, предоставление дешевого жилья городским трудящимся, трудовые права сельскохозяйственных рабочих. Реальная заработная плата в стране выросла на 30%, активная политика импортозамещения стимулировала постоянный спрос на рабочую силу и в свою очередь – устойчивый рост потребления, поднимавший жизненные стандарты большей части городского населения. 1940–1950-е на десятилетия вперед определили представления аргентинцев о достойном уровне жизни и социальной мобильности: дети рабочих тогда массово пошли в университеты.

Экономическим основанием перонистской модели была импортозамещающая индустриализация – создание национальной промышленности путем защиты внутреннего рынка от конкуренции иностранного капитала и зарубежных товаров. Государственная политика импортозамещения была направлена в первую очередь на поддержку тех отраслей промышленности, которые производили товары массового потребления (легкой и пищевой) и ориентировались на внутренний рынок. Эти отрасли были трудоинтенсивными: именно они поглощали приток рабочей силы из сельской местности в город, о котором говорилось выше, и не требовали крупных долгосрочных инвестиций, поскольку оборачиваемость капитала в них была высокой. Социальная политика государства и устойчивый рост реальной заработной платы до определенного времени обеспечивали наличие емкого и постоянно расширяющегося рынка, потреблявшего продукцию этих предприятий.

Роль сырьевого экспорта, который служил основанием прежней экономической модели, стала в этих условиях вспомогательной и сводилась к обеспечению притока капиталов для развития промышленности, обслуживающей внутренний рынок. Посредством тарифной политики перонистский режим перенаправлял доходы экспортных сельскохозяйственных отраслей в промышленность; именно за счет них в значительной мере осуществлялась импортозамещающая индустриализация. Торговый и промышленный протекционизм не был нововведением перонистов: ранее к нему обращались как радикальные, так и консервативные правительства Аргентины. Однако если в 1930-е протекционистские меры носили временный и обусловленный характер, то с конца 1940-х они стали постоянными и безусловными, распространявшимися на все предприятия соответствующих отраслей.

Последовательная социально-экономическая политика перонистского режима привела к формированию популистской социальной коалиции, которая обеспечила десятилетнее преобладание Перона на политической сцене страны. Она объединяла предпринимателей, действовавших на внутреннем рынке («национальную буржуазию»), городских трудящихся и средние слои («народный сектор»), бюрократию и традиционных провинциальных каудильо под эгидой дирижистского государства, которое выступало как главный распределитель разнообразных благ – субсидий предпринимателям, субвенций провинциям, социальной защиты трудящимся, должностей в быстро растущем государственном аппарате.

В политическом отношении перонистский режим отличался от автократий предшествующего десятилетия. Оставаясь генералом вооруженных сил, Перон дважды – и честно – выигрывал выборы, в ходе которых, в отличие от кампаний 1930-х, не было подлогов, а отрыв фаворита, безусловного народного лидера, от соперников не был подавляющим. В 1946 году Перон получил 53,7% голосов против 45,7% у Хосе Тамборини, кандидата оппозиционного Демократического союза (*Unión Democrática*), а в 1951-м, на первых выборах, на которых голосовали женщины, – 63,5% голосов против 32,3% у Рикардо Бальбина, лидера Гражданского радикального союза.

Вместе с тем корпоративистский режим Перона не был демократическим: даже честные выборы по сути обеспечивали плебисцитарную легитимацию исполнительной власти и ее законодательных доверенных – тем более, что оппозиция была лишена доступа к средствам массовой информации, в первую очередь к радио. Политика популистских режимов, включая перонистский, по выражению аргентинского исследователя Марсело Каваросси, «вращалась» исключительно вокруг действий государства и рассматривалась как сфера управления, хотя риторика участия и вовлеченности составляла важнейший элемент их идеологии.

«Президентская власть, исполнительные органы и ряд децентрализованных административных институтов играли роль исключаящего фактора, зачастую фильтруя или полностью отстраняя демократические силы общества. Исполнительная власть использовала разнообразные стратегии для достижения этой цели: от ограничения участия в выборах до акцентирования прямой связи между лидером и массами»²⁹.

29 CAVAROZZI M. *Mexican Political Formula: Past and Present* // COOK M.L. (Ed.). *The Politics of Economic Restructuring: State-Society Relations and Regime Change in Mexico*. San Diego: University of California, 1995. P. 309.

В конце 1940-х – начале 1950-х перонистской коалиции противостоял достаточно разнородный социально-политический блок, в который входили, с одной стороны, традиционалистские слои, оттесненные в перонистское десятилетие от политической власти (экспортеры зерна, промышленники и финансисты, ориентированные на привлечение в страну иностранных капиталов, католическая церковь, армия), а с другой стороны, либерально-демократическая часть средних слоев, не согласных с государственным дирижизмом, нараставшими авторитарными тенденциями, приоритетом ценностей порядка над ценностями свободы.

Это была достаточно аморфная коалиция, политически гораздо менее организованная, чем перонистская, не имевшая ни харизматичного лидера, ни сколько-нибудь артикулированной идеологии. Оппозиционный Демократический союз, выступая на президентских выборах 1946 года под лозунгом: «За свободу, против нацифашизма!», включал Гражданский радикальный союз, Социалистическую партию (*Partido Socialista*), Коммунистическую партию (*Partido Comunista de la Argentina*) и либерально-консервативную Прогрессивную демократическую партию (*Partido Demócrata Progresista*). Характерно, что армия и церковь, как и правонационалистические круги интеллигенции, на этих президентских выборах поддержали Перона, считая, что он продолжит консервативный курс военных правительств 1943–1946 годов.

Действительно, одним из побудительных мотивов Перона был страх, несомненно, преувеличенный, перед возможной социальной революцией. Он считал, что рабочий класс является по природе

своей революционной силой и что конец Второй мировой войны принесет в Аргентину массовую безработицу, поскольку новые предприятия, возникшие в 1930-е – начале 1940-х, будут вынуждены закрыться, что увеличит опасность коммунистического восстания. Противоядие от революции виделось ему не только в корпоративистской модели трудовых отношений, но и в радикальном экономическом протекционизме, поскольку только такая промышленная политика могла, по его мнению, предотвратить массовую безработицу³⁰.

Думается, однако, что действия Перона и эволюцию его режима трудно объяснить одним только страхом перед маловероятной в условиях Аргентины коммунистической революцией. Форсированная, ориентированная «вовнутрь» индустриализация и утверждение корпоративной модели трудовых отношений открывали, как оказалось, возможности для социально-политической стабилизации и ускоренного экономического роста. Процветание второй половины 1940-х, отсутствие безработицы, широкая народная поддержка укрепляли режим и личные позиции его лидера. В 1949-м Перон провел через Конгресс, где его сторонники имели большинство, изменения в Конституцию 1853 года. В Основном законе были закреплены новые гражданские и трудовые права, равенство мужчин и женщин, государственная собственность на основные экономические ресурсы, приоритет государственной собственности над частной. Также была отменена старая конституционная норма, которая запрещала последовательное переизбрание президента страны, что открывало легальную возможность для переизбрания Перона на второй срок.

30 WAISMAN C. *Op. cit.* P. 165.

Убедительную победу на выборах 1951 года Перон рассматривает как народный мандат на окончательное оформление корпоративистской системы. В 1952 году Конгресс, в котором у оппозиции остались лишь четырнадцать мест из 160, утвердил перонистскую доктрину в качестве национальной идеологии под именем «хустисиализма». Ее высшей целью объявлялось достижение «счастья Народа и величия Нации путем социальной справедливости, экономической независимости и политического суверенитета, обеспечиваемых гармонизацией духовных ценностей, прав индивида и прав общества»³¹.

В начале своего второго срока, Перон начинает воплощать свою идею свободного от классово-борьбы гармоничного общества. Для этого все еще оставшиеся независимыми профцентры, включая оппозиционные, представлявшие предпринимателей, лиц свободных профессий, студентов университетов и средних учебных заведений, подчиняют Всеобщей конфедерации труда. Однако следующий шаг оказался для президента роковым: Перон попытался покончить с автономией вооруженных сил и поставить военные институты под политический контроль перонистского движения. И хотя военное командование на первых порах уступило давлению национально-го лидера, в вооруженных силах нарастало недовольство его стремлением заменить конституционную субординацию главе государства личной верностью вождю.

26 июля 1952 года, когда со второй инаугурации Перона не прошло и двух месяцев, Эвита скончалась от онкологического заболевания. Ее смерть обозначила перелом в развитии перонистского

проекта: он вступил в нисходящую фазу, которая закончилась в сентябре 1955-го военным переворотом и свержением Перона. С уходом Эвиты исчезла фигура, которая символизировала эмоциональную связь перонистского режима с народом, был утрачен ключевой элемент массовой мобилизации. С этого времени перонистское правительство все больше воспринимается как бюрократическая машина, а институты перонизма теряют первоначальную привлекательность, особенно после коррупционных скандалов в ближайшем окружении вождя.

Одновременно разворачивается экономический кризис, покончивший с процветанием первого президентского срока Перона. В конце 1940-х мировые цены на продукцию аргентинского экспорта падают, экспортные доходы сокращаются – причем именно в то время, когда потребности новых промышленных предприятий в импортном сырье, топливе и особенно капитальном оборудовании устойчиво росли. Результатом стали дефицит платежного баланса и инфляция, достигшая в 1952-м 30%³². Правительство заморозило на два года заработные платы и цены, развернуло экономическую политику, нацеленную на стабилизацию финансовой сферы, стимулирование сельскохозяйственного экспорта, частной инициативы и иностранных капиталовложений при одновременном отказе от поддержки потребительского спроса, индустриальной экспансии и приоритета государственного сектора – всего того, что раньше составляло сердцевину экономического курса перонистов.

В свою очередь оппозиция после президентских выборов 1951 года окон-

31 LYNCH J. ET AL. *Op. cit.* P. 231–232.

32 *Ibid.* P. 234.

чательно убедилась в полной бесплодности попыток отстранить Перона от власти электоральным путем. Сама скорость, с которой развивались социальные изменения во второй половине 1940-х – начале 1950-х, была мощным дестабилизирующим фактором. «Старые» группы среднего класса не могли смириться с внезапным и подавляющим присутствием в политической жизни тех, на кого они привыкли смотреть свысока. Быстрый переход к «обществу масс» резко ослабил прогрессистские настроения, традиционно присущие городскому среднему классу, усиливая в нем неприятие перонизма и поддержку оппозиционных настроений, которые не находили политического выхода во все более авторитарной политической системе.

Фокусирующим все эти проблемы и решающим для судьбы перонистского правительства стал конфликт президента с католической церковью. В декабре 1954 года после крупной демонстрации противников режима в день церковного праздника Непорочного Зачатия Перон закрыл ведущую католическую газету, отменил государственные субсидии частным школам, легализовал проституцию, утвердил закон о разводе и запретил религиозное образование в государственных школах, которое сам же и ввел в 1947-м. Подлинные причины столь демонстративного разрыва вождя с католической иерархией так и остались неясными. Возможно, дело было в поддержке, оказанной церковным руководством планам создания христианско-демократической партии, которые не сочетались с представлениями лидера об «организованном обществе». Не исключено также, что перонизм нуждался в новом противнике – объединяющем и сплачивающем факторе, особенно

в условиях изменения экономической политики и отказа от «экономического национализма».

Так или иначе, перечисленные выше реформы дали старт массовой антиклерикальной кампании в официальной прессе. Власть объявила о намерении провести новую конституционную реформу и отделить церковь от государства. В этих условиях церковные иерархи заняли выжидательную позицию, но католические активисты, поддержанные самыми разными группами противников режима, выступили с громким моральным и политическим протестом. Как ни парадоксально, в новых условиях – и под католическими хоругвями – возродилась антиперонистская коалиция 1945 года, объединившая средний класс, студентов и консервативные круги.

11 июня 1955 года, в день праздника Тела Христова, вопреки полицейским запретам многотысячная процессия прошла по центру Буэнос-Айреса. Вслед за этим 16 июня была предпринята попытка военного переворота: части военноморского флота и военно-воздушных сил подвергли обстрелу и бомбардировке окрестности президентского дворца, из-за чего множество собравшихся там сторонников Перона были убиты и ранены. После того, как попытка мятежа была подавлена, перонисты разграбили и сожгли католические храмы в центре столицы.

Столкнувшись с беспрецедентным для Аргентины уровнем насилия, Перон под давлением военного командования призвал к умиротворению: он отменил введенное в день переворота чрезвычайное положение, отправил в отставку наиболее одиозных министров своего кабинета, ответственных за антиклерикальную кампанию, и, самое главное, объявил своим сторонникам, что «перо-

нистская революция закончилась» и что теперь он будет «президентом всех аргентинцев»³³.

Но было уже поздно: гражданская и военная оппозиция отвергла предложение о перемирии и решила использовать представившийся ей шанс для отстранения Перона от власти. Артуро Фрондиси, выступая от имени радикальной партии по радио – возможность выйти в эфир появилась у оппозиционеров впервые за двенадцать лет, – потребовал отставки Перона и пообещал довести до конца экономическую и социальную революцию, от которой отказались перонисты, но в условиях мира и свободы. Это заставило Перона изменить тактику: 31 августа 1955 года он призвал своих сторонников, собравшихся на Майской площади в Буэнос-Айресе, взять правосудие в свои руки:

«Каждый, кто попытается выступить против действующей власти или против закона и Конституции, может быть убит любым аргентинцем. [...] Каждый перонист, будь он одиночкой или членом организации, на каждый акт насилия должен ответить актом насилия. И всякий раз, когда падет один из нас, падут пятеро из них»³⁴.

Однако повторения 17 октября 1945 года не получилось; открытый призыв вождя к насилию покончил с остатками колебаний в армейской среде. 16 сентября выступившие против Перона войска заняли Кордобу, откуда восстание распространилось на остальную территорию страны. 21 сентября Перон укрылся в посольстве Парагвая, а 23 сентября огромная толпа, собравшаяся на Майской площади, приветствовала главу мятежников, генерала Эдуардо Лонарди, в качестве временного президента Аргентины.

33 Ibid. P. 237.

34 Ibid. P. 238.

Возвращаясь к вопросам, поставленным в начале этой статьи, хочется подчеркнуть, до какой степени драматичным оказался для Аргентины выбор между свободой и социальной справедливостью. В 1946–1955 годах Аргентина пережила глубочайшую структурную трансформацию, которая положила начало ее превращению в современный социум. Перонистский режим осуществил решающие шаги на пути социальной и экономической модернизации страны ценой ограничения политических свобод для существенной части населения. Индустриализация привела миллионы людей из традиционной аграрной сферы в города, коренным образом изменила их мировоззрение и в сочетании с социальной политикой государства существенно повысила качество жизни городских трудящихся и низших средних слоев. Демократизация образования и здравоохранения вызвала социокультурный сдвиг, который позволил этим людям приспособиться к городским условиям на протяжении одного поколения. Изменения происходили в условиях существенного ограничения работы рыночных механизмов в пользу государственного регулирования.

Государство, которое в эти годы приобрело невиданную в истории Аргентины автономию от экономически господствовавших групп, выступило не только активным участником, но и демиургом модернизационного процесса. Экономическая и институциональная цена такой модернизации оказалась высокой, а платили эту цену несколько поколений аргентинцев. По выражению Карлоса Вайсмана, в перонистское десятилетие «экономика повернулась внутрь, а государство развернулось вниз»:

«Первый из этих процессов, в конечном счете, привел к стагнации, а второй – к расширению и укреплению рабочего движения. Когда тенденции к стагнации усилились в начале 1950-х, связь между государством и трудящимися ослабла и, в конечном счете, разорвалась. Последующий конфликт по поводу распределения экономического продукта привел к нарушению легитимности и политической нестабильности»³⁵.

Перонизм наложил глубочайший отпечаток на всю современную историю Аргентины, стал главным социальным и

политическим фактором, определившим ее институциональное развитие со всеми его достоинствами и изъянами. Несмотря на поражение 1955 года и последовавший за ним восемнадцатилетний период проскрипций, перонизм до самого последнего времени оставался самым жизнеспособным политическим течением Аргентины. Как дальше развивалась эта история, которая вряд ли может быть описана лишь в терминах противостояния свободы и справедливости, автор постарается проследить в следующей статье.

35 WAISMAN C. *Op. cit.* P. 162.

